

«ФАТАЛЬНЫЙ КОМПРОМИСС»: ЮЖНОАФРИКАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ И СТАНОВЛЕНИЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛИЦИИ» В ЮЖНОЙ АФРИКЕ (1940–1960-е годы)

Курбак Мария Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: Kurbak-m@yandex.ru

Researcher ID: H-7388-2016

Аннотация. После победы на выборах в 1948 г. Национальной партии (НП) и становления режима апарtheid в Южной Африке политика и культура были подчинены одной главной цели — сохранению и защите африканеров как нации меньшинства. С 1954 г. правительство во главе с премьер-министром Д.Ф. Маланом приступает к мерам по ограничению свободы слова и созданию «литературной полиции». Появляется Комиссия по выявлению «нежелательных публикаций» под руководством Джеффри Кронье. Кронье в своих работах обосновывал концепцию существования африканеров как отдельной нации с собственными языком, культурой и моралью. Наивысшей ценностью для африканеров Кронье считал защиту «чистоты крови» и запрет смешения (как физического, так и культурного) с «небелыми». Предложения Комиссии Кронье встретили в штыки не только и не столько политические оппоненты, сколько африканерская интеллигенция. Одним из наиболее активных оппонентов Кронье был известный поэт ван Вейк Лоу. Но полноценное становление системы цензуры началось с приходом к власти правительства во главе с премьер-министром Х. Фервурдом, принявшего курс на ужесточение расовых законов и контроля над публикациями. Поворотным моментом, определившим отношения между властью и южноафриканской интеллигенцией, стал 1960 г. После расстрела мирных демонстраций в Шарпвилле и Ланге НП ввела в стране чрезвычайное положение, запретила деятельность коммунистической партии и Африканского национального конгресса (АНК), а противники апарtheid объявили о переходе к вооруженной борьбе. Вести политическую борьбу против цензуры стало намного сложнее в условиях вооруженного противостояния защитников апарtheid и сторонников свержения НП. Переход к вооруженной борьбе стал важным фактором радикализации самой интеллигенции, появления в ней «литературного протеста» и «черных голосов». Путь переговоров и поисков сложных компромиссов закончился.

Ключевые слова: Южная Африка, апарtheid, цензура, культура, литература.

M.S. Kurbak

“A Fatal Compromise”: South African Writers and “the Literature Police” in South Africa (1940–1960)

Maria Kurbak, Institute of World History, Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

E-mail: Kurbak-m@yandex.ru

Researcher ID: H-7388-2016

Abstract. After the victory of the National Party (NP) in the 1948 elections and the establishment of the apartheid regime in South Africa, politics and culture were subordinated to one main goal —

the preservation and protection of Afrikaners as an ethnic minority. Since 1954, the government headed by Prime Minister D.F. Malan had begun implementing measures restricting freedom of speech and creating “literary police”. The Commission of Inquiry into “Undesirable Publications” headed by Geoffrey Cronje was created in 1956. In his works, Cronje justified the concept of the Afrikaners’ existence as a separate nation, with its own language, culture, and mores. Cronje considered the protection of “blood purity” and prohibition of mixing, both physically and culturally, with “non-whites” as the highest value for Afrikaners. The proposals of the “Cronje Commission” were met with hostility not only by political opponents but also by Afrikaner intellectuals. One of Cronje’s most ardent opponents was the famous poet N.P. Van Wyk Louw. Yet, the creation of a full-fledged censorship system began with the coming into power of the government headed by Prime Minister H. Verwoerd, who took a course to tighten racial laws and control over publications. 1960 became the turning point in the relationship between the government and the South African intelligentsia. After the Sharperville and Langa massacres, the NP declared a state of emergency, banned the activity of the Communist Party and the African National Congress (ANC). Apartheid opponents turned to a military struggle. The political struggle against censorship became more bitter during the armed stand-off between the apartheid loyalists and the NP deposition supporters. The transition to the military struggle was an important force for the radicalization of the intellectuals and the appearance of the “literary protest” and “black voices”. The time for negotiations and searching for compromises was over.

Keywords: South Africa, the National Party, apartheid, censorship, Geoffrey Cronje.

Я не вступал в ряды борцов,
Но жил я — поперек...
И. Губерман

После прихода в 1948 г. к власти Национальной партии (НП), провозгласившей доктрину апартхейда (раздельного развития рас), атмосфера внутри Южной Африки становилась все более угнетающей. Расовая сегрегация действовала в Южной Африке и раньше, однако при апартхейде она стала узаконенной системой. Главной целью апартхейда было «сохранить идентичность и защитить будущее каждой расы», прежде всего белых. Как объяснял премьер-министр и глава НП Даниель Франсуа Малан, «апартхейд основан на вере африканера в свое божественное призвание и свою привилегию обратить язычника в христианство, не уничтожая в то же время его национальной идентичности». Но для исполнения этой миссии африканер «должен сохранять чистоту своей расовой идентичности»¹.

Защите расовой идентичности должна была служить и литература. В 1950-е годы в южноафриканской прессе все еще широко обсуждались основные постулаты теории апартхейда, встречалась и открытая критика. С 1954 г. правительство Малана приступает к мерам по ограничению свободы слова и созданию «литературной полиции», как назвал южноафриканскую цензуру историк Питер МакДональд. Создается Комиссия по выявлению «нежелательных публикаций». Формальным поводом для ее организации стало судебное дело, возбужденное годом ранее, в отношении ряда статей в двух популярных африканерских журналах, где якобы содержалась «порнография». Малан, будучи проповедником голландской реформатской церкви, активно поддерживал комиссию и был рад открывшейся возможности ограничить распространение не только «аморальной», но и «политически вредной» литературы. Создание комиссии стоит рассматривать в контексте принятого в 1950 г. Закона о подавлении коммунизма, согласно которому на территории Южно-Африканского Союза запрещалась деятельность коммунистической партии. После этого почти любого инакомыслящего объявляли коммунистом, а значит — преступником. Страх перед коммунизмом, разумеется, не был уникальной чертой

¹ История Африки в документах, в 3-х т. М., 2007. С. 461–462.

Южной Африки: всплеск антикоммунизма как ответ на рост поддержки и влияния коммунистических партий и идей был характерен для большинства стран в послевоенный период. В Южной Африке борьба с коммунизмом превратилась в борьбу конкретно с Южно-Африканской коммунистической партией и ее членами, а также со всем тем, что НП считала «коммунистической пропагандой». Закон о подавлении коммунизма изначально создавался для того, «чтобы разрушить все гражданские свободы, уничтожить свободные профсоюзы, запугать всех оппонентов Национальной партии, подвергнуть судебным наказаниям всех тех, кто отстаивал настоящую демократическую Южную Африку»². Таким образом, принятие закона «стало началом введения прямой государственной цензуры»³.

Создание Комиссии по выявлению «нежелательных публикаций» было прямым следствием борьбы с коммунистической пропагандой. Главой комиссии был назначен Джеффри Кронье (в историю комиссия вошла под его именем — Комиссия Кронье). Кронье был влиятельной фигурой в Южной Африке 1940—1950-х годов, одним из теоретиков доктрины апартхеида, инициатором ряда его законов, в частности Закона о запрете смешанных браков 1949 г. Южноафриканский писатель и лауреат Нобелевской премии Дж.М. Куние в эссе о Кронье⁴ называл его «сумасшедшим». Но, как правильно отмечает Куние, сумасшествие Кронье было синдромом сумасшествия и всего южноафриканского общества того времени.

Кронье окончил Стелленбошский университет в 1929 г., после, как и многие африканеры, учился в Нидерландах и Германии, защитил диссертацию в Амстердаме и вернулся в Южную Африку. После возвращения на родину и вплоть до конца жизни он преподавал социологию в Университете Претории. Даже само перечисление названий основных его книг могут рассказать многое о взглядах Кронье: «Дом для потомков» (*'n Tuiste vir die nageslag*, 1945), «Африка без азиатов» (*Afrika sonder die Asiaat*, 1946), «Справедливый расовый апартхейд» (*Regverdige rasse-apartheid*, 1947), «Попечительство и апартхейд» (*Voogdyskap en apartheid*, 1948). Первая из этих книг стала особенно популярной среди африканерских националистов. В ней Кронье обосновывал концепцию существования африканеров как отдельной нации с собственными языком, культурой и моралью. Книгу Кронье посвятил своей жене и другим «африканерским матерям» (*Afrikanermoeders*), которых он считал главными защитницами «чистоты крови буров». Он ввел целый ряд терминов, определявших уникальность всего африканерского — *Afrikaneremoeder*, *Afrikanergesin*, *Afrikanerbloed*, *Afrikanerplaas* — мать африканера, сын африканера, кровь африканера, африканерская ферма... Все это служило тому, чтобы показать высшую ценность сохранения африканеров как особой нации, как нации меньшинства.

Высшим грехом перед своим народом Кронье считал «кровосмешение». Он был буквально помешан на идее чистоты африканерской крови. Любое «просачивание неевропейской крови» он называл «варварством», а детей, рожденных от такого союза, — варварами (за чистоту крови ответственность несла женщина, именно по матери считали расовую принадлежность детей). Таким образом, черных Кронье считал потенциально опасными, поскольку они являлись носителями «черной крови», которую он приравнивал к «инфекции». «Зоны “смешанного проживания” становятся местом гибели белой расы в Южной Африке»⁵, — писал он. Для сохранения чистоты белой крови Кронье настаивал не только на полной изоляции белых от небелых, но и на тотальном (законодательном) запрете «кровосмешения».

Американский историк Мейнард Свенсон в 1977 г. провел исследование, как в начале XX в. социальные страхи перед эпидемиологическими заболеваниями были использованы властями Южной Африки для оправдания расовой сегрегации. Он назвал это

² Merrett C. A Culture of Censorship: Secrecy and Intellectual Repression in South Africa. Cape Town, 1995. P. 22.

³ Potter E. The press as opposition: the political role of South African newspapers. London, 1975. P. 114.

⁴ Coetzee J.M. Apartheid Thinking // Giving Offence: Essays on Censorship. Chicago, 1996. P. 163—185.

⁵ Cronje G. 'n Tuiste vir die nageslag. Johannesburg, 1945. P. 59.

«санитарным синдромом»⁶. Однако Кронье не останавливался на санитарном кордоне расовых зон. Он считал культурное взаимодействие таким же вредным, как и физическое. Черные и цветные обладали, по мнению Кронье, не только низкими стандартами бытовой гигиены, но и низким уровнем культурного развития. «Бескультурная масса», так он их называл⁷. Все самые темные страхи Кронье нашли отражение в выводах его комиссии, опубликованных в сентябре 1957 г.⁸ Необходимость создания жесткой системы предпубликационной цензуры и ее драконовские методы Кронье оправдывал необходимостью защиты «европейской» литературы от «дегенерации»: «Как просветитель авангарда западной цивилизации в Южной Африке европеец должен быть и оставаться лидером, направляющим светом в духовной и культурной жизни, иначе он неизбежно будет уничтожен. Борьба с нежелательной литературой может и должна вестись как можно решительнее, ибо она, несомненно, является духовным ядом»⁹.

Предпубликационная цензура представлялась таким образом как необходимый «санитарный кордон», который сохранит «западную» культуру в чистоте и тем самым защитит «европейское» господство и упрочит политическое превосходство белых. Что же касается небелых, то в докладе комиссии говорится об исследовании читательских вкусов «банту». «Банту» в целом представлены как «полуразвитые» люди, имеющие собственную «культуру», столько же «недоразвитую»¹⁰.

Помимо создания системы цензуры, Комиссия Кронье предлагала основать субсидируемый государством Южно-Африканский литературный институт. Он должен был разрабатывать нормы и рекомендации для работы школ, университетов, церквей, книжной индустрии для воспитания «правильного» литературного вкуса. Такие меры, как подчеркивалось, были совершенно необходимы, ибо «новые формы массовой культуры разлагали африканерские ценности». Многие африканеры уже подверглись тлетворному влиянию «нежелательной литературы», утратили свою связь с исконными ценностями своего народа, особенно в «городах с английской ориентацией». Таким образом, меры, предлагаемые комиссией, должны были, с одной стороны, заставить писателей забыть о свободе самовыражения и почувствовать свою ответственность как представителей избранного народа, наделенных особой миссией «создавать произведения искусства как зеркало, в котором общество может смотреть на себя». С другой стороны, они лишали свободы и читателя, который тоже больше не мог решать, что для него интересно и полезно; теперь цензоры и государственные чиновники определяли, что нужно читать, а что «нежелательно» и «вредно».

Предложения Комиссии Кронье встретили отпор со стороны не только и не столько политических оппонентов, сколько от африканерской интеллигенции. Это выявили дебаты в парламенте, а также публикации одного из главных африканерских журналов «Standpunte», где весь декабрь выходили статьи английских и африканерских писателей, издателей и критиков, выступавших решительно против новых мер комиссии. Одним из самых яростных защитников писательской свободы стал основатель и главный редактор «Standpunte», один из наиболее известных африканерских поэтов ван Вейк Лоу.

Нужно сказать, что история политической и творческой карьеры ван Вейка Лоу очень важна для понимания трансформации отношений писателей и власти в 1950–1960-е годы в Южной Африке. Ван Вейк Лоу начинал в 1930-е как непримиримый националист-африканер, был активным членом Брудербонда (секретного общества африканеров, помогавшего своим членам получать самые высокие посты), защищал идеи расизма и национализма

⁶ Swanson M. The Sanitation Syndrome: Bubonic Plague and Urban Native Policy in the Cape Colony, 1900–1909 // The Journal of African History. 1977. Vol. 18. № 3. P. 387–410.

⁷ Cronje G. Voogdyskap en apartheid. Pretoria, 1948. P. 33.

⁸ Cronje G. Report of the Commission of Enquiry into Undesirable Publications. Pretoria, 1957.

⁹ Ibid. P. 41.

¹⁰ Ibid. P. 263.

в своих стихах. Но после окончания Второй мировой войны, проанализировав трагедию нацистской Германии, он стал, по выражению известного историка литературы Питера МакДональда, «либерал-националистом»¹¹. Ван Вейк Лоу по-прежнему верил в идею апартхеида как единственного пути «выживания африканеров как отдельного особого народа в мультинациональном государстве»¹². Но главным в апартхейде он считал не политическую, а культурную составляющую — создание благоприятных условий для процветания творчества писателей-африканеров как «народного авангарда». Именно они, а не политики и клерки, считал ван Вейк Лоу, смогут обеспечить сохранение идентичности. Идеи ван Вейка Лоу о свободе творчества писателей-африканеров противоречили стремлению НП взять литературу под контроль. С 1950-х годов противоречия становятся непреодолимыми, и ван Вейк Лоу переходит ко все более резкой критике попыток введения цензуры.

На страницах «Standpunte» он не раз говорил, что нет необходимости внедрять аппарат цензуры, поскольку писатели должны сами являться и создателями, и критиками своих работ. А если и вводить некий контроль, то он должен исключать лишь порнографию и ничего более. Введение же жесткой цензуры, считал он, является признаком слабости нации. «Мы должны выучить уроки, которые преподает нам история нацистской Германии и Советского Союза, античности, Франции эпохи монархии и царской России, где верили в силу цензуры; стабильные и сильные культуры в цензуре не нуждаются»¹³, — писал ван Вейк Лоу. Внешнее вмешательство и давление недопустимо, ибо «разрушение возможности развития великой культуры является также разрушением высшего права нации на существование». А потому ван Вейк Лоу призывал оградить писателей от любого постороннего влияния: церкви, государства и даже «общественного мнения»¹⁴.

В 1957 г. в журнале «Die Burger» ван Вейк Лоу публикует статью «Кастрированная литература», в которой подвергает нападкам цензурную Комиссию Кронье. Другой известный журнал — «Huisgenoot» — также отозвался резкой критикой в адрес комиссии, опубликовав 21 октября 1957 г. статью «Писатели видят опасность в докладе Кронье»¹⁵.

Наступление на свободу слова шло не только на литературном фронте, но и в сфере журналистики. Еще в 1950 г. была учреждена Комиссия по прессе. Она следила за деятельностью южноафриканских газет и журналов, за соблюдением «патриотических настроений» в них, за отсутствием коммунистической пропаганды, а также за работой иностранных корреспондентов. С 1955 г. из репортажей были исключены устные свидетельства. И хотя Комиссия по прессе, в отличие от Комиссии Кронье, не опубликовала свои требования и отчеты к концу 1950-х годов, ее «невидимый контроль» оказывал существенное психологическое давление на журналистов и репортеров, заставляя их большей частью прибегать к самоцензуре.

Осуществлялся также пристальный контроль над публикациями южноафриканских журналистов в иностранной прессе, особенно английской. Запрещалось освещать митинги и протесты. Министр иностранных дел Эрик Лоу в одной из своих речей в 1959 г. заявил: «Причиной большинства проблем Южной Африки во внешней политике являются политические статьи о ней в английской прессе»¹⁶. Неудивительно, что журналисты, писавшие о событиях в Южной Африке честно, становились *persona non grata* для южноафриканского правительства. Так, известному журналисту и африканисту Бэзилу Дэвидсону после ряда статей о Южной Африке в 1951 г. был запрещен въезд в Южно-

¹¹ McDonald P. The Literature Police: Apartheid Censorship and Its Cultural Consequences. Oxford, 2009. P. 28.

¹² Louw N.P. van Wyk. Versamelde Prosa. Vol. 1. Cape Town, 1998. P. 502.

¹³ Ibid. P. 30.

¹⁴ Ibid. P. 408, 463.

¹⁵ Skrywerks Sien Gevaar in die Cronje-verslag // Die Huisgenoot, 21.X.1957. P. 14–15.

¹⁶ Цит. по: Potter E. The Press as opposition: the political role of South African newspapers. London, 1975. P. 168.

Африканский Союз (только в Свазиленд). То же произошло и с Джоном Хэтчем, известным британским писателем и представителем Лейбористской партии, — южноафриканское правительство закрыло ему въезд в страну с 1959 г.

С приходом к власти правительства во главе с премьер-министром Х.Ф. Фервурдом в 1958 г. расовые законы стали еще жестче. Был принят закон о регистрации населения, который стал краеугольным камнем апарtheidа. Фервурд искренне верил, что нет единой африканской нации, но есть семь или восемь разных наций, стремящихся каждая к отдельному существованию и отдельной политике внутри собственного государства. При этом интересы белых были, разумеется, для Фервурда на первом месте. Обращаясь к парламенту, он говорил: «Я ничего не сделаю в интересах банту за счет ущемления интересов белых, потому что я не стану первым, кто вобьет гвоздь в гроб белого человека»¹⁷.

Однако поворотным моментом в развитии репрессивной политики апарtheidа стали расстрелы мирных демонстраций в Шарпевилле и Ланге и введение в стране чрезвычайного положения в 1960 г. После Шарпевилля АНК и компартия приняли решение о переходе к вооруженной борьбе, а правительство Фервурда — к усилению репрессий в отношении как политических, так и культурных деятелей. Это положило начало совершенно новой «главе» в истории Южной Африки — открытого противостояния между сторонниками вооруженного свержения апарtheidа и его защитниками.

Любые собрания и митинги были запрещены, как и упоминания об общественном недовольстве в прессе, литературе, по радио. Для закрепления «новых литературных порядков» правительство Фервурда разработало Акт о публикациях, положивший начало новому этапу отношений между властями апарtheidа и творческой интеллигенцией. Как заметил сэр Джон Моуд, верховный комиссионер Великобритании, «с этого момента в Южной Африке больше не было ни свободы слова, ни свободы личности, ни свободы организаций»¹⁸.

Изучив выводы Комиссии Кронье, Фервурд не принял во внимание предложенные меры по поддержке литературы (созданию Южно-Африканского литературного института, субсидируемого государством), но взял на вооружение меры по введению допечатной цензуры. В итоге правительство приняло «Акт о публикациях и увеселительных мероприятиях». Именно этот документ стал краеугольным камнем цензуры ЮАР. Его положения с небольшими изменениями переходили в последующие акты. Он предписывал запрещать для продажи произведение, если оно:

«5(2) (a) неприличное или непристойное, или оскорбительное, или вредит нормам общественной морали;

(b) является богохульным или оскорбляет религиозные чувства любой группы жителей республики;

(c) подвергает какую-либо группу жителей республики осмеянию или презрению;

(d) наносит вред отношениям между любыми группами жителей республики;

(e) наносит ущерб безопасности государства, благополучию, миру и порядку»¹⁹.

Драконовские меры, разумеется, вызвали возмущение и негодование у многих писателей и представителей южноафриканской интеллигенции. Выражался этот протест разными способами. Так, ряд писателей и деятелей культуры подписали петицию против принятого акта и представили министру культуры. Большая часть подписавших отнесились к движению так называемых «шестидесятников» («Sestigers»), возникшему в Южной Африке в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Самыми известными представителями «шестидесятников» были Андре Бринк, Ян Раби, Этьен Леру, Барто Смит, Адам

¹⁷ *Giliomee H. The Last Afrikaner Leaders. A Supreme Test of Power. Cape Town, 2012. P. 45.*

¹⁸ Цит. по: *Merrett Ch. Op. cit. P. 42.*

¹⁹ Publications and Entertainments Act // Statutes of The Republic of South Africa 1963 with Alphabetical Table of Contents and Table of Laws, Etc., Repealed or Amended by These Statutes. Pt. I. Nos. 1–60. P. 282.

Смолл, Брейтен Брейтенбах, Ингрид Йонкер. «Шестидесятники», хотя часто не принимали прямого участия в политическом протесте, все же внесли важный вклад в борьбу против апарtheidа. Большинство из них не сжигали свои пропуска из тауншипов, не участвовали в подпольной борьбе, не брали в руки оружие. Но они «были голосом протеста против гегемонии апарtheidа, достигшего пика своего экономического развития в 1960-х... значимой разрушающей силой против укрепления единой африканерской этничности»²⁰, как писал известный южноафриканский литературовед Ампи Куцие. Они расшатывали систему изнутри, заставляли задуматься и усомниться в правильности и справедливости происходившего в стране, в существовании африканеров как народа-«монолита» — единого в вере, единого в идеологии.

Подписание петиции было первой попыткой большой группы писателей создать некий единый фронт борьбы против политики государства в отношении литературы. Среди подписавших были такие известные личности, как Надин Гордимер, Джек Коуп, Алан Пейтон, Этьен Леру, Атол Фугард, Ян Раби, Эйк Криге, Андре Бринк, а также писатели, принадлежавшие к старшему поколению и ранее лояльные НП, — ван Вейк Лоу и Д.Й. Опперман.

Однако эта попытка писателей повлиять на политику государства не увенчалась успехом. Во-первых, петиция была подписана уже после того, как закон вступил в силу. Во-вторых, форма подачи была выбрана неудачно. Писатели делегировали известную писательницу исторических романов, британку по происхождению, Мэри Рено (на тот момент она возглавляла южноафриканское отделение ПЭН-клуба, международного правозащитного объединения писателей и поэтов) и популярного африканерского писателя и драматурга Билла де Клерка. Именно они явились с петицией к министру культуры 25 апреля 1963 г. Встреча была «неудачной», как признавалась Рено потом, особенно для де Клерка, который был вынужден выслушивать «бесконечные политические оскорбления на африкаанс». Рено же ни одно из них не поняла²¹. Петиция была оставлена без внимания.

Не все готовы были смириться с провалом петиции как легального способа противостоять ущемлению писательской свободы. В частности ван Вейк Лоу продолжил конфронтацию, но теперь уже внутри парламента и партии. Новый акт подразумевал создание аппарата цензуры в составе от девяти человек, как минимум шесть из которых должны были обладать знаниями в области искусства, лингвистики и литературы или правосудия, один из членов при этом должен был быть назначен в качестве главы. Ходили слухи, что главой будет назначен кто-то из чиновников, лояльных НП. В частности, рассматривалась кандидатура Абрахама Йонкера, африканерского писателя, члена парламента, яркого националиста и отца поэтессы Ингрид Йонкер (не разделявшей расовых взглядов отца). Ван Вейк Лоу понимал, что создание цензурного аппарата уже стало фактом, который нельзя изменить, но можно повлиять на состав цензоров. Благодаря ряду статей в журнале «Die Burger», а также личным связям ван Вейку Лоу удастся выдвинуть на пост главы цензурного аппарата профессора африканерской и голландской литературы, автора монументального труда «История африканерской литературы, 1935–1973» Геррита Дэккера. Этот шаг ван Вейка Лоу критик Ампи Куцие назвал «фатальным компромиссом». Государственная машина победила — писатели были обязаны смириться с тем, что цензура неизбежна, что теперь их творчество должно будет подчиняться догмам, определявшимся государством. Последним шансом повлиять на усиливавшийся государственный контроль было ввести в состав цензурного аппарата как можно больше писателей либеральных взглядов.

²⁰ Coetzee A. Afrikaans Literature in the Service of Ethnic Politics? // Afrikaans Literature: Recollection, Redefinition, Restitution. Papers held at the 7th Conference on South African Literature at the Protestant Academy, Bad Ball / eds R. Kruger and E. Kruger. Amsterdam, 1996. P. 108.

²¹ Brink A. A Fork in the Road. A Memoir. London, 2009. P. 208.

Ван Вейк Лоу рассматривал Деккера как союзника в защите идеи африканерских писателей как народного авангарда, а также питал к нему огромное уважение как к более старшему и почитаемому поэту, члену группы так называемых «тридцатников» («Dertigers»), к ней относился и сам ван Вейк Лоу. Лоу считал, что фигура Деккера в качестве главного цензора — огромное достижение для южноафриканской литературы, которая таким образом будет иметь защитника внутри бюрократического цензурного аппарата. Пожалуй, ван Вейк Лоу не ошибся — за первые пять лет (1963–1968 гг.) Деккер «спас» немало работ от запрета. Но это была капля в море. В целом же в стране началась масштабная жесткая борьба с любым «инакомыслием», и судьба писателей, попавших в немилость, была чаще всего трагической.

Имена писателей, принимавших участие в политических митингах и акциях протеста, попадали в «черный список»: им запрещалось публично выступать, публиковаться, их нельзя было упоминать. Большинство из них могли рассчитывать лишь на публикации за рубежом. Для своей страны они становились «внутренними врагами». Так, например, произошло с журналисткой Рут Ферст, которая подвергалась преследованию за свою политическую деятельность с 1956 г. В 1963 г. она стала первой белой женщиной, арестованной по закону о 90-дневном заключении (по этому закону полиция могла арестовать и удерживать любого человека без предъявления обвинения в течение 90 дней). Во время пребывания в камере-одиночке в течение 117 дней она написала книгу об этом — «117», — которую смогла опубликовать два года спустя в Лондоне (в ЮАР книга была запрещена). В ней она давала советы, как справиться с тяжелейшими психологическими условиями нахождения в камере-одиночке, как сохранить свою личность, психику и честь — даже под нажимом полиции она не дала показания против своих единомышленников и соратников. В 1982 г. она была убита взрывом от посылки, полученной ею по почте. Бомба была отправлена тайной полицией ЮАР.

События вооруженной борьбы давали обширный материал для создания протестных литературных произведений. «Литература протеста» — целое направление созданной в то время южноафриканской литературы, воспевавшей борьбу против апарtheid. Но трагедии в тех событиях было все же больше, чем романтики. Большинство «шестидесятников» подвергались травле в своей стране, они печатались чаще всего в Европе, некоторые покончили с собой, не справившись с депрессией и гнетущей атмосферой страха, загнанности, духоты, непонимания. В 1965 г. Ингрид Йонкер, африканерская поэтесса и «шестидесятница», покончила с собой в Кейптауне, утопившись в океане. Меньше, чем за неделю до смерти Ингрид Йонкер, произошла еще одна трагедия — в Нью-Йорке покончил с собой черный южноафриканский писатель и журналист Нат Накаса. Ему было всего 28 лет. В Южной Африке он писал для журнала «Drum», после Шарпевилля получил предложение от журнала «The New York Times» написать статью о том, как людям на самом деле живется при апарtheid. В 1963 г. он основал собственное издание «The Classic» — журнал для черных интеллектуалов со всей Африки. Но ситуация ухудшалась, писать честно о жизни черных становилось просто опасно. В 1964 г. ему удалось получить стипендию Нимана в Гарварде, и он подал заявление на получение паспорта. Но ему отказали в выдаче документа, оформив вместо этого лишь разрешение на выезд. Это означало невозможность вернуться на родину. В США Накаса вскоре осознал, что расизм продолжает быть американской реальностью, хотя не в такой форме, как в ЮАР. Он активно участвовал в митингах против апарtheid и в Америке, и в Великобритании, где прожил некоторое время. Он тосковал по Южной Африке и хотел вернуться. Он стал чужим везде. Незадолго до смерти он встречался с Надин Гордимер и признавался ей: «Я не могу больше смеяться, а когда я не могу смеяться, я не могу писать». 14 июля 1965 г. Накаса покончил с собой, выбросившись из окна квартиры в Нью-Йорке.

Вынужденная эмиграция, или правильнее сказать изгнание, была тяжелой ношей, с которой справлялись далеко не все. Бегство казалось порой единственным шансом

выжить и сохранить свободу совести и мышления, что было невозможно в ЮАР после 1960-х. Поэт Леонардо Коса написал горькое стихотворение «Прощание»:

Дайте мне паспорт,
Дайте мне визу,
Не провожайте в дорогу.
Больше я эту страну не увижу,
Слава всевышнему Богу.

Можно ли жить в преисподней, во мраке,
В этой трясине промозглой?
Люди безмолвствуют, лают собаки,
Душно.
Дышать невозможно²².

Дж.М. Куние часто сравнивал советскую и южноафриканскую цензуру, а также судьбы советских писателей и писателей эпохи апартеида. Он считал, что советские писатели и поэты, — подвергнувшиеся цензуре, гонениям, тюремному заключению, расстрелам, ссылкам, эмиграции, — могли служить для южноафриканцев примером того, как «сохранить лицо» и честь (в частности, он много писал о Манделыштаме, Бродском, Пастернаке, Солженицыне и др.). Советский писатель и критик Р.В. Иванов-Разумник выделял три типа советских писателей: погибшие, задушенные, приспособившиеся. «Духовно задушенные цензурой были все без исключения, физически погибшими лишь часть их... Сотнями надо числить писателей, изнывавших под игом цензуры — и либо замолкнувших волей-неволей, либо приспособившихся к “веяниям времени”»²³. Эти же слова можно сказать и про южноафриканских писателей апартеида.

В дебютном сборнике стихов Брейтена Брейтенбаха «Железная королева должна потеть» (*Die Ysterkoei moet sweet*, 1964) было стихотворение под названием «Брейтен молится о себе». По существу это стихотворение молодого поэта было ответом, скорее даже вызовом, старшему поколению поэтов в лице ван Вейка Лоу. Вызовом не только религиозного и морального характера, но и политического. Стихотворение ван Вейка Лоу «Игнатиус молится о своем порядке» вышло в 1954 г. в журнале «*Nuwe Verse*». В нем говорилось о необходимости существования боли и страданий в мире как доказательства существования Бога. Брейтенбах в первых же строках беспреступно заявил: «существование боли вовсе не необходимо, Господи». Автор молился о том, чтобы Бог избавил его от страданий, ведь есть другие, на чью долю они выпали: те, кто под стражей, в тюрьмах, кого сломали и измучили, допрашивали и использовали. «Но не я, — заканчивает Брейтенбах. — Не дай нам этой боли и горести».

Сборник вышел в свет в 1964 г. и, как ни парадоксально, был удостоен высшей африканерской литературной премии. Но на ее вручение Брейтенбах приехать не смог: его жене, вьетнамке по происхождению, было отказано в южноафриканской визе (межрасовые браки считались при апартеиде преступлением). Даже в эмиграции Брейтенбах активно участвовал в вооруженной борьбе против апартеида, в частности основал группу сопротивления апартеиду «*Okhela*». Во время нелегального приезда на родину десять лет спустя, в 1975 г., Брейтенбах был арестован по обвинению в террористической деятельности и провел семь лет в южноафриканской тюрьме, испытал на себе всю ту боль, от которой просил Бога избавить себя в стихотворении.

²² Поэзия Африки / перевод М. Курганцева. М., 1973. С. 588—589.

²³ Иванов-Разумник Р.В. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / сост., вступление В.Г. Белоуса. М., 2000. С. 57.

Почти всю жизнь после освобождения Брейтенбах провел во Франции, вдали от Южной Африки. И не раз признавался в том, каким тяжелым испытанием для него было изгнание. «Одиночество здесь как науку учу», — писал он в стихотворении «Слушок», посвященном южноафриканскому писателю Этьену Леру. И горькая констатация:

Нет, ничего я не помню,
Забываются в песнях слова,
Лица все как чужие,
Мечты отмечались.

....

Преждевременные старики (а когда-то борцы за свободу!)
Поэты, забывшие всякую речь, слепые художники.
Письма без новостей словно море без шума прибоя,
Отупение, гадание на кофейной гуще,
Набормотанные пейзажи,
Отречение от всякого знания²⁴.

«Изгнание — суровое ремесло», как верно замечал турецкий поэт и прозаик Назым Хикмет...

Переход противников апартеида к вооруженной борьбе в 1960-х годах подтолкнул государство в сторону усиления тирании, а «сущность тирании, — как писал Дж.М. Куце, — состоит в ненависти к правде» и любому инакомыслию²⁵. Шанс на поиск компромисса с интеллигенцией был упущен — она стала для государства врагом, с которым велась борьба на уничтожение. И борьба эта привела, увы, к смертям, искалеченным судьбам, к замалчиванию и многолетней самоцензуре для многих. Последнее часто вытравить было тяжелее всего, даже после того, как репрессии пошли на спад. Те же трудности, даже в еще большей степени, испытывали и советские писатели, вынужденные подстраиваться под цензуру и «лакировать» действительность, чтобы быть опубликованными. Советский писатель Виктор Астафьев, уже после распада СССР, признавался: «Я при большевиках был кто? Литератор. Потому что писал только то, что надеялся напечатать»²⁶. А поэт Борис Слуцкий еще откровеннее о том, как «ретушировал» свои работы, чтобы не писать «в стол»:

Лакирую действительность —
Исправляю стихи.
Перечесать — удивительно —
И смиренны, и тихи.
И не только покорны
Всем законам страны —
Соответствуют норме!
Расписанью верны!

....

Чтоб дорога прямая
Привела их к рублю,
Я им руки ломаю,
Я им ноги рублю²⁷.

²⁴ Вечный слушатель. Семь столетий поэзии в переводах Евгения Витковского: в 2-х т. Т. 2. М., 2013. С. 639.

²⁵ Coetzee J. M. The Politics of Dissent: Andre Brink // Giving Offence... P. 210.

²⁶ Цит. по: Симонов А. «Номо пишущий» и «Номо снимающий» // Новая газета, 10.V.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/10/85242-homo-pishuschiy-i-homo-snimayuschiy> (дата обращения: 21.01.2021).

²⁷ Слуцкий Б. Современные размышления // Новый мир. 1987. № 10. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/SLU3_W.HTM (дата обращения: 17.12.2020).

Дж.М. Куние писал, что репрессивная машина апартхеида породила общество, большое паранойей, где человек чувствовал себя «не только репрессированным, но и саморепрессированным, не только цензурированным, но и самоцензурированным, не только под контрольным другим, но и контролируемым самим собой»²⁸. В этой атмосфере удущья, разорванности, раздвоенности невероятно трудно было выжить и «сохранить лицо», не запачкать руки кровью и не запятнать совесть. Переход к вооруженной борьбе превратил страну в поле многолетнего боя, перешедшего практически в гражданскую войну. В ЮАР наступила полоса репрессий и всевластия спецслужб. В 1966 г. Х.Ф. Фервурд был убит и к власти пришел Джон Форстер, сторонник еще более жестких мер. Но хотя репрессии на рубеже 1960–1970-х годов лишь усиливались, все же в эти самые годы в африканерском обществе впервые появилось несколько более либеральное течение, состоявшее из «просвещенной» интеллигенции. На выборах в 1974 г. Прогрессивная партия впервые получила семь мест вместо одного. Кроме того, в 1970-е получило широкое распространение новое молодежное движение — «черное самосознание», лидером которого был студент Натальского университета Стив Бико. Многие члены этого движения в своих произведениях впервые громко заявили о значимости «черной культуры», «черной ценности» и «черной гордости» (под «черными» в организации понимались все «небелые»)²⁹.

Таким образом, можно сказать, что попытки южноафриканской интеллигенции найти компромисс с правительством НП в 1950–1960-х годах по вопросам свободы слова и творчества были обречены на провал. И причиной тому во многом стал переход в 1960-х годах борцов против апартхеида к вооруженной борьбе. Политическая борьба против цензуры стала намного сложнее в условиях вооруженного противостояния защитников апартхеида и сторонников свержения НП. Переход к вооруженной борьбе стал важным фактором радикализации самой интеллигенции, появления в ней «литературного протеста» и «черных голосов». Путь переговоров и поисков сложных компромиссов закончился.

Библиография

Вечный слушатель. Семь столетий поэзии в переводах Евгения Витковского: в 2-х т. М., 2013.

История Африки в документах: в 3-х т. М., 2007.

Иванов-Разумник Р.В. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / сост., вступление В.Г. Белоуса. М., 2000.

Поэзия Африки / перевод М. Курганцева. М., 1973.

Симонов А. «Номо пишуший» и «Номо снимающий» // Новая газета, 10.V.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/10/85242-homo-pishuschiy-i-homo-snimayuschiy> (дата обращения: 21.01.2021).

Слуцкий Б. Современные размышления // Новый мир. 1987. № 10. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/SLU3_W.HTM (дата обращения: 17.12.2020).

Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по новой и новейшей истории Тропической и Южной Африки / под ред. А.С. Балезина, С.В. Мазова, И.И. Филатовой. М., 2016.

Brink A. A Fork in the Road. A Memoir. London, 2009.

Cloete S. Turning wheels. London, 1937.

Coetzee A. Afrikaans Literature in the Service of Ethnic Politics? // Afrikaans Literature: Recollection, Redefinition, Restitution. Papers held at the 7th Conference on South African Literature at the Protestant Academy, Bad Ball / eds R. Kruger and E. Kruger. Amsterdam, 1996. P. 103–111.

Coetzee J.M. Apartheid Thinking // Giving Offence: Essays on Censorship. Chicago, 1996. P. 163–185.

Coetzee J.M. Emerging from Censorship // Giving Offence: Essays on Censorship. Chicago, 1996. P. 30–43.

²⁸ Coetzee J.M. Emerging from Censorship // Giving Offence... P. 35.

²⁹ Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по новой и новейшей истории Тропической и Южной Африки / под ред. А.С. Балезина, С.В. Мазова, И.И. Филатовой. М., 2016. С. 472–473.

- Coetzee J.M.* The Politics of Dissent: Andre Brink // Giving Offence: Essays on Censorship. Chicago, 1996. P. 207–215.
- Cronje G.* 'n Tuiste vir die nageslag. Johannesburg, 1945.
- Cronje G.* Report of the Commission of Enquiry into Undesirable Publications. Pretoria, 1957.
- Cronje G.* Voogdyskap en apartheid. Pretoria, 1948.
- Giliomee H.* The Last Afrikaner Leaders. A Supreme Test of Power. Cape Town, 2012.
- Louw N.P. van Wyk.* Versamelde Prosa. Cape Town, 1986.
- McDonald P.* The Literature Police: Apartheid Censorship and Its Cultural Consequences. Oxford, 2009.
- Merrett C.* A Culture of Censorship: Secrecy and Intellectual Repression in South Africa. Cape Town, 1995.
- Potter E.* The Press as opposition: the political role of South African newspapers. London, 1975.
- Swanson M.* The Sanitation Syndrome: Bubonic Plague and Urban Native Policy in the Cape Colony, 1900–1909 // The Journal of African History. 1977. Vol. 18. № 3. P. 387–410.

References

- Chernaya Afrika: proshloe i nastoyashee. Uchebnoe posobie po novoy i novejshej istorii Tropicheckoj i Yuzhnoj Afriki / pod red. A.S. Balezin, S.V. Mazov, I.I. Filatova [Black Africa: Past and Present. The Modern and Contemporary History of Tropical and Southern Africa. A textbook / eds A.S. Balezin, S.V. Mazov, I.I. Filatova]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Istoriya Afriki v dokumentah: v 3 t. [History of Africa in Documents: in 3 vol.]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Ivanov-Razumnik R.V.* Pisatelskie sud'by. Tyur'my i ssylki / sost., vstuplenie V.G. Belousa [Writers' fates. Prisons and exiles / comp., introduction by V.G. Belous]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Poeziya Afriki / perevod M. Kurgantseva [Poetry of Africa / translated by M. Kurgantsev]. Moskva, 1973. (In Russ.)
- Simonov A.* “Homo pishushchij” i “Homo snimayushchij” [“Homo writing” and “Homo shooting”] // Novaya gazeta [New Newspaper], 10.V.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/10/85242-homo-pishushchij-i-homo-snimayushchij> (access date: 21.01.2021). (In Russ.)
- Sluckij B.* Sovremennye razmyshleniya [Modern Reflections] // Novyj mir [New World]. 1987. № 10. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/SLU3_W.HTM (access date: 17.12.2020). (In Russ.)
- Vechnyi slushatel'. Sem' stoletiy poezii Evgeniya Vitkovskogo: v 2 t. [Eternal listener. Seven centuries of poetry in Evgeniy Vitkovsky's translation: in 2 vol.]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Cloete S.* Turning wheels. London, 1937.
- Coetzee A.* Afrikaans Literature in the Service of Ethnic Politics? // Afrikaans Literature: Recollection, Redefinition, Restitution. Papers held at the 7th Conference on South African Literature at the Protestant Academy, Bad Ball / eds R. Kruger and E. Kruger. Amsterdam, 1996. P. 103–111.
- Coetzee J.M.* Apartheid Thinking // Giving Offence: Essays on Censorship. Chicago, 1996. P. 163–185.
- Coetzee J.M.* The Politics of Dissent: Andre Brink // Giving Offence: Essays on Censorship. Chicago, 1996. P. 30–43.
- Cronje G.* 'n Tuiste vir die nageslag. Johannesburg, 1945.
- Cronje G.* Report of the Commission of Enquiry into Undesirable Publications. Pretoria, 1957.
- Cronje G.* Voogdyskap en apartheid. Pretoria, 1948.
- Giliomee H.* The Last Afrikaner Leaders. A Supreme Test of Power. Cape Town, 2012.
- Louw N.P. van Wyk.* Versamelde Prosa. Cape Town, 1986.
- McDonald P.* The Literature Police: Apartheid Censorship and Its Cultural Consequences. Oxford, 2009.
- Merrett C.* A Culture of Censorship: Secrecy and Intellectual Repression in South Africa. Cape Town, 1995.
- Potter E.* The Press as opposition: the political role of South African newspapers. London, 1975.
- Swanson M.* The Sanitation Syndrome: Bubonic Plague and Urban Native Policy in the Cape Colony, 1900–1909 // The Journal of African History. 1977. Vol. 18. № 3. P. 387–410.